

НИНЕЛЬ ШАХОВА

19 АВГУСТА 1991...

В моем ежедневнике 19 августа одна запись: “Открытие Конгресса соотечественников. 10 часов, Кремль”.

Встала пораньше – нужно подготовиться к съемке. С оператором мы заранее договорились встретиться у Боровицких ворот, откуда обычно съемочные машины въезжают на территорию Кремля.

Ничто не предвещает неожиданностей, Пьем чай, муж слушает выпуск “Последний известий”... И вдруг репликой “тихо” он обращает мое внимание на важное сообщение...

Теперь каждый из нас вспоминает это утро 19 августа 1991 года, строгую форму правительственного сообщения... Оно взбудоражило народ с первых строк.

– Вот это да... – муж не комментирует, но тон сообщения его явно настораживает.

А через несколько минут из Останкина звонит Анатолий Дмитриевич Иванов:

– Неля, что будем делать? Едем? У нас тут уже кругом оцепление, – в голосе Иванова проскальзывают нотки сомнения.

– Обязательно едем, ничего не меняем!

С киногруппой встретилась без всяких сложностей, необходимые документы на въезд нашей машины на территорию Кремля были в порядке, и через несколько минут мы с аппаратурой появились на Соборной площади Кремля.

Перед Успенским собором уже собрались участники Конгресса, среди них много пожилых людей, но есть и среднее поколение... В Москву из многих стран мира приехали представители разных волн российской эмиграции.

Тема эта мне знакома еще с далеких “радийных” времен, не скрою, я рада, что именно мне доверено освещение работы Конгресса. На площади увидела несколько знакомых: среди них Петр Петрович Толстой, правнук великого писателя. Он приехал из Швеции.

Петр Петрович неважно говорит по-русски, но и без перевода ясно: он взволнован, на его лице растерянность... Рядом с ним мужчина крепкого сложения, невысокий, импозантный, “режет” прямо:

– Нет, я чувствовал, это должно было случиться, чувствовал... Через 70 лет приехать, чтобы в день открытия Конгресса опять “пришли темные времена”.

ШАХОВА Нинель Владимировна (1935–2005) — легендарная тележурналистка, комментатор программы “Время” по вопросам культуры в 1971–1992 гг. Автор книги “Люди моего времени” (2004). Воспоминания Нинель Владимировны о первом дне ГКЧП любезно предоставлены ее сыном А. Шаховым.

Игорь Петрович Францевич приехал в Москву из Сиднея. Понятно, что наши соотечественники уже пытаются комментировать правительственное сообщение, собираются группами, высказывают свои предположения.

Патриарх Московский и всея Руси Алексий обращается к участникам Конгресса с приветственной речью, отмечает, что главная его цель – содействовать исторической справедливости в отношении миллионов выходцев из нашей страны, живущих ныне за рубежом, расширить взаимное обогащение культурными и духовными ценностями... В отличие от нашего соотечественника из Австралии патриарх осторожен, его слушают с особым вниманием, тут все должно быть взвешено...

А кругом такая красота! У каждого Кремлевского памятника всегда хочется постоять подольше, как бы прислушиваясь к нему повествованию обо всем, чему эти камни были свидетелями в долгих и трудных веках России.

На Соборной площади много операторов, журналистов. Они снимают соотечественников в домовых церквях великих князей – Благовещенском соборе... В нем сегодня – служба.

Собор такой цельный, чисто русский, близкий к нарядной деревянной архитектуре...

Прошу Анатолия Иванова снять побольше участников Конгресса на фоне исторических и архитектурных шедевров Кремля. И вдруг слышу интереснейший разговор об истории Успенского собора – главного храма Москвы.

Глазами показываю оператору, что фрагмент этот надо снять, и Толя меня понимает. Кто-то из гостей рассказывает подробности строительства этого храма и даже приводит слова великого князя Ивана III, которые тот произнес, когда вошел под соборные своды, озаренные тысячами свечей: “Вижу небо!”

Представьте, фрагмент этот получился прекрасно. Но... в репортаж, который я готовила для вечернего выпуска программы “Время”, он не вошел. Никто и предположить не мог, что события, начавшиеся с правительственного сообщения утром 19 августа, будут так стремительно развиваться.

Когда мы выезжали из Боровицких ворот, у Каменного моста уже стоял танк. У входа в здание Телецентра документы проверяли автоматчики...

Какой-то суесть, неразберихи, ажиотажа в редакции я не заметила, осмотрела материал, а так как мне еще вечером предстояло снимать официальное открытие Конгресса, я зашла к нашему главному редактору Ольвару Варламовичу Какучая.

– Неля, материал стоит в плане, его нужно делать обязательно.

– Может быть, не будем снимать “официоз”? – спросила я, потому что открытие началось только в 19 часов...

– Не знаю, буду советоваться с Лазуткиным.

На долю Ольвара Варламовича пришлось самое тяжелое время. Человек мудрый, уравновешенный, он хорошо знал редакцию, каждого из нас, умел поддержать в трудную минуту, но даже он не мог предположить, что свалится на его долю.

День проходил в обсуждениях ситуации, мои соседи по комнате – Хатаевич, Бестужева, Медведев – “приносили” разноречивую информацию, а я думала только об одном, как довести до финала свой материал.

... На площадь Маяковского прибывает народ, это видно сразу, но мы топимся в Концертный зал имени Чайковского.

Входим через служебный вход.

Все цвета радуги встречают соотечественников. Фольклорные коллективы из разных регионов России приехали в Москву, звучат народные песни, танцы, гармошки... Все это вплетается в хоровод эмоций, радостных, но одновременно и настораживающих впечатлений.

Слишком ярко, слишком шумно... Но ведь организаторы открытия Конгресса не знали, что день этот одних из нас повергнет в шок, а других – в радость, что общество расколется. Но это будет потом, через несколько часов.

А пока открытие задерживается. Организаторы в растерянности, тянут время, не могут принять решение. Надо менять сценарий, но пока не получается, видимо, кого-то ждут, но этот “кто-то” не выходит на сцену.

Гармошек, кокошников в просторных фойе зала имени Чайковского становится все меньше и меньше... Соотечественники уже давно заполнили зал, а Конгресс все не открывается.

Я волнуюсь, время “утекает”. И вот тут на сцене появляется господин Музыкантский... У меня создалось впечатление, что он совсем был не готов к открытию такого важного события, да еще в столь неожиданной политической обстановке. Сейчас мне трудно воспроизвести его мысли, в памяти остались лишь воспоминания о явно “антисоветской” речи, причем сбивчивой, не аргументированной, не продуманной.

Соотечественники сидели напряженные, понять что-то в этой необычной ситуации они не могли.

Мы возвращались в Останкино через запруженную народом площадь Маяковского, раздавались возгласы: “Ельцин! Ельцин!”

В эфир еле-еле успела выйти. В монтажной было удивительно тихо. Материал пришлось нещадно сокращать. Всю мою лирику – историю, архитектуру, традиции – выбросили, судьбы тоже...

Валентин Валентинович Лазуткин сам отсматривал материалы. Ему жаль было сокращать репортаж:

– Нинель, ничего не могу поделать... Этого требует ситуация.

А я и не обижалась. Жаль было соотечественников – приехали за тридцать земель и... опять не повезло.

Съемки “того” исторического дня я долго хранила, уж больно хороши были кадры Соборной площади, службы в домовый церкви! А потом – сами соотечественники, их лица, их внимание и смятение, радость и тоска... Я видела на экране с у д ь б у людей.

Все это были документы времени, эпохи. Дорогие кадры похитили, но это произошло значительно позже, когда редакция разделилась и возникло “НТВ”, а во всех монтажных, в рабочих комнатах висели списки “неблагонадежных” людей, которым не велено было выдавать пленки... Фамилии теперь известные, вы их знаете, но нужно признать, что в той непонятной, “новой революционной” обстановке из программы “Время” “утекло”, действительно, много ценнейшего архива.

Вечером 19 августа в монтажных шла напряженная работа. Запомнила Лазуткина, он отсматривал материалы, я видела, как Валентин Валентинович заходил в монтажную, где работал Сергей Медведев.

Почему я так подробно рассказываю об этом? Так ведь некоторые люди на этой ситуации “делали” свою судьбу.

С Сережей Медведевым мы сидели в одной комнате, я вводила его в телевизионную жизнь, мы знали друг о друге несколько больше, чем мои коллеги.

Наша маленькая комната, наша “территория”, которую мы обживали все вместе – Бестужева, Хатаевич, Фатеев, я, а потом и Медведев, – объединяла нас в, может быть, и не очень счастливую, но все же – семью.

Относились мы друг к другу вполне корректно, дружелюбно. Сережа иногда делился со мной своими серьезными замыслами. Но очень редко. Незадолго до августовских событий он рассказал мне, что его приглашают в Московский городской комитет партии, мы поговорили, я активно его отговаривала, убеждала, что журналист – это очень серьезная профессия. Будучи комментатором главной информационной программы, можно многое сделать... Сережа прислушался к совету.

У него только что родился сын, хотелось получить квартиру, – все это понятно.

И вот 19 августа... Неожиданный, непонятный день и... неожиданное поведение людей, твоих коллег. Кто-то в этот день решал свою судьбу.

Мы беседуем с Ольваром Варламовичем Какучая почти через двенадцать лет после “того” исторического дня. Сколько раз мне хотелось спокойно, обстоятельно поговорить с ним о 19 августа – час за часом... Как складывался день, как он развивался.

Ностальгические нотки и в нашей встрече... Мой последний главный редактор в программе “Время” почти не изменился. Элегантен, приветлив, явно рад встрече, как всегда, мудр и памятлив на доброе, хорошее в нашей общей работе.

Ольвар Варламович, правда, начинает с 19 августа... Уходил он из редакции, как всегда, поздно, после эфира программы “Время”, в душе было ощущение гармонии, спокойствия...

Ровно в два часа ночи у него на квартире раздался телефонный звонок, это уже не предвещало ничего хорошего... Звонил Кравченко – председатель Комитета:

– Какой твой адрес, куда прислать машину? Надо кое-что исправить в “Утре”...

Какучая на своей машине домчался до Останкино. Утренняя бригада спит, ни одного “живого” человека в длинных останкинских коридорах найти невозможно...

Быстро светало. Какучая в раздумье стоял у окна, видел, с какой скоростью примчалась на улицу Королева машина председателя.

– В три тридцать на мой стол вываливается груда документов из ЦК... Много, очень много! Написаны от руки. Подписи не факсимильные, а настоящие. Где две подписи стоят, где шесть, – Ольвар Варламович вспоминает, стараясь не упустить детали. – Воззвание написано каллиграфическим почерком, – Кравченко дает распоряжение: “Все это надо дать в “Утре”...”

Леонид Петрович доводит до сведения главного редактора программы “Время”, что с четырех часов утра в Москве вводится комендантский час.

Окна всех основных служб редакции информации – выпуска, главного редактора отдела технического обеспечения – выходят на улицу Королева. Человек, на плечи которого взвалено ответственнейшее, небезопасное дело, смотрит на предутреннюю Москву, на подъехавшие машины с автоматчиками, которые полукольцом окружают Телецентр...

О чем он думал в те мгновения?

– Поражал автоматизм выполнения приказа, какая-то даже “веселость”, “лихость” в действиях автоматчиков, которые стояли в оцеплении с настоящими зарядами. Ребята ходили в бар, у них были новенькие деньги...

А Какучая нужно было решить массу вопросов. Во-первых, кто будет читать тревожное сообщение?

– Кравченко успел заехать в ТАСС и там зарегистрировать эти документы. Он мудро поступил, – говорит Ольвар Варламович. Тут уж сработал, видимо, опыт...

Какучая перечисляет нам перечень своих трудных вопросов; время-то идет, а в шесть часов надо выходить в эфир. Кто будет читать утренний выпуск, как этих дикторов найти? Время летнее, люди могут быть и на даче.

– Я выбрал Инну Ермилову, она до сих пор меня упрекает за это, и Юрия Петрова – очень хорошего диктора и человека, – вспоминает Какучая. – Они пришли на студию в своей обычной одежде, Ермилова в каком-то веселеньком платье, нашли ей темный свитер, одели наконец... И с шести утра покатило... – Ольвар Варламович и сейчас с тоской и печалью говорит о каждом часе этого тяжелого, бесконечного дня.

В десять часов поступил запрет на съемки. Ни одна съемочная группа не имела права выехать за пределы “Останкино”. Выходит, мы с Анатолием Ивановым “прорвались” в Кремль буквально каким-то чудом. Правда, необходимо иметь в виду, что наша съемка была заказана еще в пятницу, 16 августа, а речь идет о понедельник, дне, который запомнили все...

Я напоминаю Ольвару Варламовичу о Конгрессе соотечественников, о съемке в Кремле. Да, он все это помнит, но столько свалилось на него в тот день!

– У меня ведь была полная оторванность от всех. Я сидел один в кабинете, никого рядом нет, ничего не знаю... Телефон молчит. Что происходит на улицах Москвы – то ли народ ликует, то ли возмущается?..

Наконец, стали поступать отклики, у меня на “подсмотре” был канал “CNN”, именно там я увидел Ельцина на танке. Я попросил срочно эти кадры “перегнать” мне на кассету.

В 12.30 пришло разрешение на съемки. Сергей Медведев готов был поехать снимать Москву, я лично вручил ему кадры, снятые каналом “CNN”, и предупредил его об осторожности, прямо так и сказал: “Береги себя”.

Главный наш эфирный выпуск – это программа “Время”. Ее ждали 19 августа 1991 года с нетерпением. Большую роль редакция отводила репортажу Сергея Медведева. Но что он привезет, еще никто не знал. На “подмотрах” Лазуткин, заместитель президента Гостелерадио, следил за откликами. Надо было хоть что-то об обстановке в Москве знать.

Оторвавшись от экрана, Валентин Валентинович побежал в монтажную

принимать материал Медведева, — было уже поздно, — посмотрел его почти до конца, не увидел лишь последнюю склейку, — и сказал:

— Это надо давать в эфир!

Поскольку я тоже работала в этот день и видела несколько раз в монтажной Валентина Валентиновича, мало того, общалась с ним перед выходом в эфир программы “Время”, то была весьма удивлена дальнейшим поведением Сергея Медведева, утверждавшего, “что никто материала не видел”, что это исключительно его решение, его смелость, его инициатива. . .

До сих пор поведение Медведева возмущает Какучая. Казалось бы, время могло усмирить эмоции, но человек чести, мужского достоинства, Ольвар Варламович не прощает предательства, вранья. А ведь это он дал Медведеву бесценные кадры с Ельциным на танке, с его закадровым текстом, он сам вручил “подающему надежды журналисту” кассету, а потом, после эфира, подписал Сергею Медведеву заявление об очередном отпуске и отправил его по д а л ь ш е от Москвы, к родителям.

Идея с отпуском принадлежала главному редактору. Он понимал обстановку, опасался за журналиста.

А Сергей отблагодарил. . . На каждом шагу утверждал только с в о ю инициативу, свой “героизм”.

Медведев “строил” биографию. Факт появления его репортажа с кадрами Ельцина на танке стал крупным камнем в этой “биографии”, но не крепким.

Пресс-секретарем Президента России он был недолго, да и весьма невыразительно. Биографию “построил”, а уважение коллег потерял.

— После эфира программы “Время” гэкачеписты звонили с решительными угрозами, не звонил лишь Язов, — рассказывает Какучая. — Особенно нетерпим был Пуго, он дважды звонил. Второй раз сурово заявил: “Это не репортаж, это инструкция, как действовать!”

Брал трубку уже Лазуткин, он помогал нашему главному редактору **по-настоящему**. На суровые “окрики” гэкачепистов заявлял: “Я за все отвечаю!”.

. . . На третий день “революция” закончилась. Ажиотаж одной части редакции пошел на спад, другая же — больше размышляла, ставила бесконечные вопросы и не находила ответа.

Через несколько дней отечественное телевидение получило нового руководителя. Всесоюзную Телерадиокомпанию возглавил Егор Яковлев — талантливый журналист, газетчик.

Но телевидение — особый мир, это только кажется, что его “тайны” можно постигнуть быстро. . .

30 августа 1991 года на доске объявлений нашей редакции появился весьма неожиданный документ — “приказ № 331”. Я приведу его полностью.

Конкурс: “Премия — Эфир”.

1. Новую информационную программу первого канала ЦТ создать на конкурсной основе.

2. В конкурсе участвуют два творческих коллектива, возглавляемых О. В. Какучая и О. Б. Добродеевым. Коллективы формируются на добровольной основе из сотрудников любых подразделений телевидения и радио.

3. Конкурс проводится в течение двух недель. Результаты подводят зрители (опросы центров общественного мнения, рецензии в прессе).

4. Организацию и проведение конкурса возложить на первого заместителя Председателя Всесоюзной Телерадиокомпания Э. М. Сагалаева.

5. Создать рабочую группу по проведению конкурса во главе с директором студии “Эксперимент” ЦТ А. С. Пономаревым.

6. Победителям конкурса поручить формирование новой информационной программы на первом канале ЦТ.

Председатель Е. В. Яковлев

Листочек с этим текстом был исписан различными эпитетами, его меняли и снова текст “расписывали”, а потом срывали. . . Коллектив таким образом высказывал свое отношение к этому приказу.

Редакция разделилась. Старая гвардия, опытные, известные журналисты сгруппировались вокруг Ольвара Варламовича Какучая.

Второй творческий коллектив состоял из “ТСН” и “примкнувшим” к ним отдельным личностям типа Сергея Медведева. В основном это была молодежь.

Помню горячие обсуждения в кабинете главного редактора. Нередко они затягивались чуть ли не до полуночи, мы спорили, предлагали, отвергали... Нужно было доказывать свою жизнеспособность.

Сейчас уже трудно восстановить все перипетии борьбы. В нее были вовлечены не только наши сотрудники, но и пресса, журналисты, пишущие о телевидении.

В самый острый момент соревнования я уехала в командировку. Приезжаю в Москву уже на его финал. Дома, конечно же, много дел, и они мне не позволяют посмотреть последний выпуск "нашей" программы. А между тем, события развивались стремительно.

Главный редактор Студии информационных программ Какучая почти не выходит из своего кабинета. Он захвачен конкурсом, смотрит последнюю программу, она уже почти подходит к финалу, когда раздается телефонный звонок Егора Яковлева.

— Похоже, вы выиграли это соревнование, — заметил новый руководитель, не дожидаясь результатов трех социологических опросов. — Поезжайте домой, выпейте коньячку, — по-отечески заботливо посоветовал он.

Какучая рассказывает так, как будто это произошло вчера. Каждую реплику Яковлева передает точно, свои действия тоже:

— Если у вас хватит терпения, посмотрите еще пять минут...

Это было сказано явно неосмотрительно, но честно.

Эти пять минут решили все.

Телезрители, которые видели воскресную программу "Время", наверное, помнят и послесловие к ней, подготовленное Алексеем Денисовым. Это был памфлет, некая сатирическая ретроспектива истории соцсоревнования и тех условий "каменного века", в которых работали тогда журналисты, создающие информационные передачи.

Конечно, была в этом материале и ирония по поводу конкурса, объявленного в приказном порядке, итоги которого должен был подводить чуть ли не всесоюзный референдум телезрителей.

Давайте прочитаем в эти строки, разве там была неправда: "с большевистской решительностью новое телевизионное руководство в течение двух недель экспериментировало над миллионами телезрителей, разделив журналистов ТСН и программы "Время" на "наших" и "ненаших", на демократов и консерваторов.

В итоге весь конкурс свелся к тому, кто демократичнее запугает зрителя всевозможными страхами и сенсациями...

Нас опять призывают к ударному героическому труду. Вот построим, дескать, светлое демократическое будущее, и все у нас будет. Но сегодня люди не хотят быть ни красными, ни белыми, ни демократами, ни коммунистами. Они устали от соревнований и хотят просто работать и зарабатывать деньги...

И все же интересно узнать, какой выпел обещан победителям очередного соцсоревнования".

Этот сюжет привел в дикую ярость демократа Егора Яковлева. Какучая было заявлено, что он использовал телевидение в личных целях и работать с ним дальше не представляется возможным.

— Прошу вас в 9 утра быть у меня в кабинете! — Это прозвучало как ультиматум, потом Яковлев добавил: — И обязательно с вашим заявлением об уходе!

Ольвар Варламович рассказывает все, как есть. Он не мог согласиться с решением Яковлева, никакого заявления он ему не принес.

В кабинете председателя ВГТРК состоялся тяжелый разговор. Яковлев готов был назначить главным редактором Олега Добродеева, совсем молоденького, еще не обстрелянного, слишком "гибкого"...

А этот молоденький, который и попал-то в редакцию благодаря рекомендации Какучая, об этом забыл. Причем очень легко, без угрызений совести. Редакция бурлила.

В такой ситуации и состоялось собрание трудового коллектива Студии информационных программ ЦТ, на которое должен был прийти Егор Яковлев. Решалась судьба нашего главного редактора.

Мы все прекрасно понимали, что грядут перемены... Вспоминать даже сейчас трудно.

На душе тревожно, смотрим друг другу в глаза, стараемся прочесть в них ответ на многие вопросы...

В зале, где проходили наши летучки, собрался весь цвет телевидения. Политобозреватели, комментаторы, дикторы, — очень известные люди. В первом ряду сидели заместители Егора Яковлева...

Что ж, это была первая встреча с новым руководителем телевидения, и понятен человеческий интерес к ней.

Демократы повели себя, увы, не демократично. В первую очередь Сагалаев. У входа в зал его “смутили” камеры, фотоаппараты, он даже вынужден был “ненавязчиво” намекнуть — разговор-то конфиденциальный... Прорвалась только Тамара Мартынова, она освещала в газете “Правда” проблемы телевидения.

Эдуард Сагалаев торжественно представил Егора Владимировича, сотворил некий эпиграф встречи. И вдруг в самый разгар его “творчества” в зал с шумом вошли иностранные корреспонденты... Изумление и борьба отразились на лице Сагалаева — в прошлом главного редактора программы “Время”, — мы-то его хорошо знали.

С иностранцами ссориться негоже. Они расставили камеры, хладнокровно посмотрели на нас, и “историческое” собрание началось.

В нем было все — правда, страсть, желание угодить начальству, приспособиться к “новым” условиям и так далее... Все, что свойственно человеку...

К Ольвару Варламовичу подавляющая часть редакции относилась хорошо, уважительно. Запомнились выступления наших молодых коллег — Алеша Денисова, Бори Костенко. Думающие ребята... Таких бы побольше... Олег Добродеев тоже совсем молод, но из другого теста, внешне вежливый, воспитанный, а внутри — акула.

Трудовой коллектив не согласился с волонтаристским решением руководства компании и выразил полное доверие и поддержку своему главному редактору. В проект резолюции мы записали, что “предложение Яковлева Е. В. главному редактору оставить этот пост в связи с выдачей в эфир сюжета о социальном нарушении считается нарушением закона о печати, образцом администрирования, несовместимым с принципами демократии”.

Яковлеву явно не понравилось наше упрямство. Сагалаев, как всегда, лавировал...

Тамара Мартынова, которая сидела рядом и вся была в работе, являла пример журналистской солидарности, желания разобраться в ситуации. Для меня же наступил “момент истины”...

Яковлев внешне был сдержан. Говорил скороговоркой, но это, видимо, его врожденный недостаток. Старался выстроить речь: “Главное — информационная объективность... Я часто себя спрашиваю: а каким должен быть критерий в оценке работы телевидения? Кто должен оценивать?...” “Мне кажется, свести все к оценке только коллективом тележурналистов было бы неправильно... Вот почему я предложил зрительский конкурс программы, которая выходит в 21 час... Это, я бы сказал, формула нашего движения...”

В блокноте остались лишь отдельные выдержки из речи Егора Яковлева. Он говорил о приоритете “информационного ствола”, о том, что такое демократия в “нашем” журналистском деле...

Речевая скороговорка Яковлева мешала... Правда, когда он спокойно заявил: “Мы меняем лица на телевидении”, я очнулась от его убаюкивающей интонации. Это уже программное заявление!

Почему-то аудитория не отреагировала достойным образом на него... Может быть, устали, не придали значения? Отнесли к разряду эмоциональных всплесков...

Мы в устах Егора Владимировича звучало внушительно, заставляя мозг усиленно работать: где же этот штаб, где принимают решения на “замену” лиц? И какие “лица” нынче необходимы телевидению?

Это откровенное признание господина Яковлева 18 сентября 1991 года я никогда не забуду.

Действительно, поменяли, но на какие лица?! Есть ли в большинстве “этих” лиц интеллект, мысль, сострадание, обаяние? Наконец, желание помочь России обрести себя или найти факт, событие, поднимающее человека над бытом, над грязью, которая так быстро прилипла к “революционной ситуации” 1991 года?

Путь, пройденный с 19 августа 1991 года, определил каждого из нас. И в отношении к новым “лицам” телевидения, и к фигурам, “творящим” историю, и к партиям, и к пиаровским кампаниям... Ко многому.

Через два года Егор Яковлев из радиопередачи “Маяк” узнал, что Указом Президента РФ Б. Н. Ельцина снят с работы...

А чуть позднее возродят и название информационной программы, вернут ей прежнее название, которое Егор Владимирович хотел вытравить из сознания телезрителей. Ведь это он сменил и шапку программы, и название...

И ведь на что поменял – на безликие “Новости”!

Кто помнит, что все это было, что это правда?

Убеждена, что многие из нас.

Это была трудная пора телевидения, она убрала из эфира действительно способных журналистов, думающих людей, образованных, интеллигентных.

Что бы ни говорили, ни писали, – но эпоха интеллектуального телевидения кончалась.

Публикация А. Шахова.